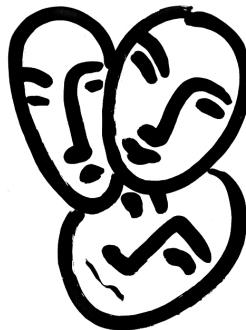

Валерий Сорокин

**Я породнясь с тобой,
Владивосток!**

Сотня стихов
о превратностях жизни
и любви

Москва
2013

ББК 84(2РОС=РУС)6-5

С65

Сорокин, В. В.

С65 Я породнюсь с тобой, Владивосток! [Текст]/
Валерий Сорокин. — М.: АИР, 2013. — 192 с.

ISBN 978-5-9904222-8-5

В настоящей книге собрана сотня стихотворений автора за разные годы. Это – лирика, поздравления и стихи по случаю, авторские песни и пародии на забавные брачные объявления из рекламных изданий. Для широкого круга любителей поэзии.

ББК 84(2РОС=РУС)6-5

© В.В. Сорокин, 2013

© ООО «АИР», 2013

ISBN 978-5-9904222-8-5

---

*«В России страшно быть поэтам,
Ещё страшнее им не быть».
«А, может, стоит, всё-таки, писать.
Хотя бы в стол. Хотя бы для потомства,
Чтобы оно, ломая жлобство,
Училось говорить, а не молчать».*

Русский поэт Вячеслав Левыкин.

«С ЛЮБОВЬЮ К ПОЭЗИИ ЧЕРЕЗ ВСЮ ЖИЗНЬ»

С ранних лет жизнь моя была связана с поэзией. Нельзя сказать, что в нашей семье был её культ, но поэтических книг дома было много, начиная от академического издания огромного тома А.С.Пушкина, выпущенного к столетию со дня его гибели. Отец постоянно покупал поэтические книги. Дома мы читали стихотворения вслух, учили наизусть. Дедушка крапал стишкис молодости, относительно неуклюжие, а отец – еще более неуклюжие. Все пели. Со временем дома образовался импровизированный оркестрик, который собирался в присутствии гостей

(в основном родственников) по праздникам, и звучали как русские народные песни, так и шлягеры того времени. Я играл лет с пятнадцати на аккордеоне, отец владел домрой и мандолиной, мама аккомпанировала на семиструнной гитаре, а дедушка на балалайке. Бабушка ни на чем не играла, но голос у неё был звонкий, и пела она неплохо.

Сам я еще в школе прочел всю знавковую гамму русских поэтов девятнадцатого века. И, кстати, покупали их в букинистических магазинах: Веневитинов, Бенедиктов, Надсон, Апухтин, Случевский, Курочкин, Минаев и много других известных имен. Сложнее было с поэтами «серебряного» века - символистами, акмеистами, имажинистами. Их не издавали, а ряд имен вообще было запрещено упоминать, равно, как и принимать в букинистическую торговлю. Так, например, имя Н.Гумилева я узнал только в 1980 году, на четвертом десятке лет. Годом раньше был захвачен поэзией О.Мандельштама. Этому способствовала одна знакомая девушка из Тбилиси – русская грузинка по имени Ламара, жившая в однокомнатной

квартире с отцом – переводчиком русской поэзии на грузинский язык, где, кроме их двух кроватей, всё пространство до потолка было забито книгами, главным образом поэзией всех времен и народов. И, кстати сказать, те гонения на поэзию, которые испытала Россия, Грузию как-то не задели. Здесь ведь не было ни гражданской, ни Великой Отечественной войн. Книги не конфисковались и не сжигались, и часто там мне доводилось держать в руках многие дореволюционные поэтические издания, в том числе и те, которые были запрещены в Советском Союзе. С ранних школьных лет я взял себе в привычку заучивать полюбившиеся стихи, которые тщательно выписывал в небольшие тетрадки. О сочинении стихов до тридцати лет вообще не помышлял.

Толчком к сочинительству стали путешествия и туризм. Так, в 1973 году впервые в жизни я отправился в групповое пешеходное путешествие по вулканическим Карпатам. Я в то время достаточно неплохо владел гитарным аккомпанементом и знал много песен того времени – от дворовых

и блатных – до Окуджавы и Высоцкого. А наш инструктор – венгр Гейза – оказался гитаристом и неплохим исполнителем ряда песен, которые я до этого вообще не слышал. Своей гитарой он с первых дней объединил группу, потому что петь мы стали каждый день. А за гитарой сидели с Гейзой поочередно. Так что через три карпатских недели я увез с собой десятка полтора новых мелодичных и туристических песен, которые мы, участники группы, продолжали петь, периодически собираясь у кого-либо дома (а участники почти все жили в Москве).

В следующем – 1974 году – предстояло путешествие по Алтаю, и в преддверии его я подумал, как хорошо было бы, если бы и какие-то свои песенки привнести в это путешествие. И вдруг, незадолго до отправления как-то на природе, возникли одна, другая, третья песенки. Они были легкими и веселенькими по содержанию, и мелодия к ним сразу же прилепилась. И во время поездки, куда я уже взял свою гитару, периодически включал их в свою песенную программу, но

основой были, конечно, песни Окуджавы, Высоцкого и Визбора. Потом сочинительство как-то закончилось, и я смог к нему вернуться только через пять лет, когда отправился на работу в колымскую геологическую экспедицию. Там появилось несколько стихов и «Марш геологов».

И только где-то во второй половине восьмидесятых годов я стал писать стихи почаше, и это по большей части была лирика или различные посвящения по случаю. С 1987 года я вплотную взялся за сочинительство музыки для песен, чем регулярно занимаюсь вот уже 25 лет, проработав огромную палитру русской поэзии от Державина, через девятнадцатый и двадцатый века, до 2012 года. На музыку переложено порядка восьми тысяч стихотворений. Но музыка – это явление иного порядка, а в данной книжице собраны основные стихи, написанные мною по жизни, которыми и хочу поделиться с читателями. Удивлять никого ничем не собираюсь. Просто хочется показать, как те или иные жизненные

проявления могут выразиться в стихотворной форме.

Небольшая подборка из вошедших в данное издание стихотворений была опубликована в конце восьмидесятых годов на Украине в центральной областной газете в городе Сумы.

Валерий Сорокин